

Наталья Королева

Я учусь любить людей

Маме

Каждой клеточкой каждую клеточку
Я люблю и дыханьем делюсь;
И морщин твоих нежную сеточку
Обцелую, разгладивши грусть.

Каждый камешек, каждую веточку
Обниму, отопрею, спасу;
В твоем шарфике с теплой береточкой
я тебя до небес донесу.

* * *

Разбился ангел из фарфора.
Он был с заклеенным крылом.
Он не был мне во всем опорой.
Таких сдают всегда на слом.

Слетел с высокого простора
Ко мне изломанным гонцом.
И стал кусочками фарфора,
Ветрам подставивши лицо.

Как доблестно пестрят осколки,
В миру – зияющий разлом.

Летит мой ангел с книжной полки,
Он был с поломанным крылом.

* * *

Я учусь любить людей –
всех людей без исключения –
без запинки, без затей.
Нет, не ради отвлеченья
от сухих недобрых дел;
нет, не в громком обличенье
всех, ведущих на расстрел
иль ведомых к возвышенью.

Всех, кто помнит, кто забыл
тех, кто был мне очень дорог,
а потом, предав, убил
иль остался у задворок,
промолчавши за меня...

Я смотрю вслед уходящим,
а оставшихся грызня –
умалется звенящим
майским громом, что, бузя,
вдруг раздастся синим ливнем.
А иначе ведь нельзя...

И весенним шумом дивным
вдохновляется земля,
и смолкают наши споры.
Что ж, вдохну тогда я,
чтобы быть с весною впору.
Просто взять и полюбить –
не за чуткий взор ваш дивный;
Чтобы мир благословить,
я люблю вслед синим ливням.

* * *

Опять, набравши скорости, летим
по чеховским сюжетам, будоража
нахмуренный седой февральский мир,
и часто фельетонно персонажим.

Отверженным быть проще, чем своим;
непонятым – талантливей и краше;
за серыми заборами таим,
что чайками металось так отважно.

Бесстрастный громче слышен приговор
отчаявшимся нашим Тузенбахам.
И честной речью услаждает вор,
и мыслью раболепствуем пред страхом.

* * *

Опять заносы на моем пути;
но я теперь совсем не против снега –
я против темных окон впереди,
сметающих остатки человека.

И так морозом город мой пленен,
что свет окон – и тот скрывает,
во тьме лишь треск и дальний звон,
и сердце мое чутко замирает.

Но ветер стих, светлеет небосклон
и мотыльками звезд метелит,
и бабочкой лучится Орион,
и хрупкий месяц гондольерит.

Из всех людей, живущих на земле,
пусть он наделит тех своим сияньем,

кто ждет идущих в ледящей мгле,
кто окна освещает ожиданьем.

Вечно живым

Современникам – театру и людям

Там, где кончаются апрели,
на косогоре лес, потом – обрыв.
Уходят те, в кого так верил,
уходят, раны мира подлечив.

Я вслед декабрьскими ночами
бегу за современником моим.
В тот темный лес упрусь плечами,
от пропасти любимых заслонив.

Сейчас везде: в обрыве, над обрывом,
за веком в даль, где вьется звездный путь,
мой современник легкокрылый –
дыханье мира, его свет и суть.

* * *

Я не умею рисовать –
умею делать хлеб и каши,
умею злиться и молчать
вслед песням лицемерным вашим.

Известны мне и визг, и стон,
и жалких чисел звонкий лепет;
сквозь шум идущих на поклон
и буквы ложь, и слова трепет.

Я не умею рисовать,
но кистями вообразенья
могу румяный хлеб спасать
от зачерствевших песнопений.

Дедушке

Георгию Федоровичу Тихомирову

Уйти б отсюда и очнуться в сорок третьем,
прийти на помощь дедушке в тот миг,
когда, накрыв рубеж, в него стрелять наметил
прямой наводкой черный мессершмитт.

В промозглом блиндаже на карауле
письмо последнее он отдал патрулю.
«Я все еще живу. Обняв, скажи Натале.
Мои родные, я вас так люблю!»

Уйти б в иную параллель, в иные смыслы,
где канонады музыка слышна.
В календаре над артрасчетом рвутся числа
в надорванные горем времена.

Отбросив ужас, в беспощадной рукопашной
я поняла б, что все еще живу.
Прикрывши деда, закричала б, что и мне не страшно:
«Живи, родной, я так тебя люблю!»

